

УДК 94(470.41-25)"16"

КАЗАНЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ЗА ИЗГНАНИЕ ПОЛЯКОВ ИЗ МОСКВЫ В 1612 ГОДУ

И.П. Ермолаев

Аннотация

В статье раскрывается сложная расстановка политических сил в одном из крупнейших центров Российского государства – Казани – в период кульминации социально-политического кризиса начала XVII в. (так называемого Смутного времени). Руководство Казани раскололось на два лагеря: на сторонников единения с патриотически настроенными россиянами за изгнание поляков из Москвы и на сторонников отделения Казанского края от России. Дьяк Шульгин, возглавивший власть в Казани, придерживался второй точки зрения, но не нашёл полной поддержки не только русского, но и татарского служилого населения. Сформированный в Казани военный отряд принял участие в освобождении Москвы от поляков; предатель Шульгин был отправлен в ссылку в Сибирь, где вскоре умер.

Ключевые слова: Смутное время, Казань, патриарх Гермоген, В.П. Морозов, Б.Я. Бельский, Н. Шульгин, Народное ополчение 1612 года.

Социально-политический кризис в России конца XVI – начала XVII в., известный под названием «Смутное время», вылился в грандиозные события, часть которых непосредственно связана с историей Казанского края. Гражданская война, начавшаяся после смерти Лжедмитрия I (17 мая 1606 г.), захватила весь Поволжский край.

На территории современного Татарстана и смежных с ним районов социально-классовая борьба прослеживается как ярко выраженная с лета 1608 г. Это был период активных действий второго самозванца, когда страна чётко разделилась на две части – сторонников Москвы (царя Василия Шуйского) и приверженцев Тушина (Лжедмитрия II) и когда в новую стадию вступила гражданская война. В это время одним из центров народной борьбы в Поволжье становятся Горная (Свияжский и Чебоксарский уезды) и Луговая («Казанская») стороны. Правительственное войско царя Василия Шуйского, направленное ещё в предыдущем году (1607 г.) на подавление восстания в Низовом Поволжье, вынуждено было к концу 1608 г. перейти в Среднее Поволжье и «застряло» здесь вплоть до начала 1610 г.

К весне 1609 г. обстановка в крае резко обострилась. Казань была одной из опор правления Василия Шуйского. Это определило особенно глубокий накал социально-политической борьбы в крае. Восставшие против официальной власти сконцентрировали свои силы и готовились нанести удар по Свияжской крепости

как одному из основных центров военной опоры московского правительства в Среднем Поволжье. Во главе отрядов восставших стояли князь Еналейко Шугуров, князь Бьюшейко Яникеев, князь Иванко Смиленев, дети боярские Федко Киреев, Якушко Глядков, Васька Ртищев, Семейка Кузминский (см. (ААЭ, № 114/II, с. 217)). Как видим, здесь налицо совместное выступление русских и нерусских людей.

Представители центральной (московской) власти в Казани – воеводы Василий Петрович Морозов и Богдан Яковлевич Бельский, дьяки Никанор Шульгин и Семён Дичков – были гарантами поддержки правительства Василия Шуйского. Положение изменилось после начала польской интервенции в Россию осенью 1609 г. и низложения царя Василия в июле 1610 г. Новое московское правительство – «седмочисленные» бояре (так называемая Семибоярщина) – вступило в переговоры с польским королём Сигизмундом, осаждавшим в это время с войском Смоленск, и призвало на московский престол его сына Владислава.

В момент избрания Боярской думой кандидатуры иноземного и неправославного (католика) королевича Владислава патриарх Гермоген (бывший казанский митрополит) оказался одним из немногих, сопротивлявшихся такому выбору. Однако после смерти героя борьбы за восстановления единого Российского государства, племянника царя Василия Шуйского Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (23 апреля 1610 г.), последующего поражения московского войска (под командованием брата царя – Дмитрия Ивановича) в Клушинской битве (24 июня 1610 г.) и государственного переворота – низложения и насильственного пострижения царя в монашество (17 июля 1610 г.) – социально-политическое положение Российского государства стало столь опасным, так что Гермоген вынужден был согласиться с боярским правительством (подробнее см. [1, с. 273–276]).

Действительно, положение было ужасно: крепость Смоленск осаждалась войском польского короля, часть польского войска под командованием гетмана Станислава Жолкевского стояла под Москвой, шведские отряды Делагарди начали оккупацию северных русских территорий, ослабленный, но не разбитый Тушинский вор, Лжедмитрий II, вновь собирал силы под Калугой, в стране продолжалась народная антифеодальная борьба. Ситуация в стране осложнялась ещё и тем, что в господствующих кругах отсутствовало единство – даже в правительстве складываются противоборствующие политические группы. В столь грозной обстановке Гермоген дал благословение боярам на приглашение на российский престол польского королевича при условии принятия предупредительных мер с целью обезопасить неприкосновенность православия.

Предварительный текст договора об условиях избрания русским царём Владислава был подписан через месяц после свержения Шуйского – 17 августа. Но подписан он был с польской стороны не королём, а гетманом Жолкевским (король Сигизмунд продолжал осаждать героически сопротивлявшийся Смоленск).

Через несколько дней, 27 августа, население Москвы было приведено к присяге (крестному целованию) на верность Владиславу, а через месяц, 21 сентября, польский гарнизон был введён в российскую столицу, хотя окончательного договора с Сигизмундом, отцом Владислава, ещё не было достигнуто.

Началась фактическая оккупация Москвы поляками. С этого момента события Смутного времени приобретают характер борьбы за национальную независимость. В стране стали собираться силы для освобождения Москвы от поляков. В начале октября 1610 г. в городах Казанского края была получена окружная грамота архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия с призывом ко всем городам присоединиться к ратным людям для освобождения Москвы от поляков (готовилось так называемое Первое ополчение) (СГГД, № 275, с. 577–579).

Между тем переговоры «Великого посольства» Семибоярщины с Сигизмундом в стане польского войска под Смоленском всё более заходили в тупик. Польский король, ссылаясь на молодость своего сына (ему в 1610 г. было 15 лет) и на сложность общественно-политической обстановки в России, высказывал сомнения относительно целесообразности отправки Владислава в Москву и всё увереннее выражал намерение самолично занять московский престол.

В сложившейся ситуации мужественную позицию занял патриарх Гермоген. Он наотрез отказался идти на переговоры на новых, нарушающих положения договора от 17 августа, условиях, выдвинутых Сигизмундом, и обратился к народу с грамотой, призывающей поддержать национальное достоинство России. Он заявил, что силой своей патриаршей власти освободит русских людей от присяги, данной Владиславу, если тот не примет православия и если польские военные люди не покинут Москву. Мужественного старца (ему было около 80 лет) не смутили угрозы расправы, исходившие от поляков и русских бояр-изменников, и он открыто стал говорить и писать в своих грамотах в другие города, что если Владислав не крестится и «литовские люди» не уйдут из Москвы, то «королевич не государь нам».

Грамоты патриарха с призывом к всенародной борьбе против поляков были направлены во многие российские города: Новгород Великий, Казань, Псков, Нижний Новгород, Вологду, Ярославль и др. Гермоген стал идеологом развернувшейся в стране с конца 1610 г. патриотической борьбы. Не сумев заставить замолчать Гермогена, поляки в мае 1611 г. заключили его в темницу Чудова монастыря, где через девять месяцев, 17 февраля 1612 г., патриарх – непокорённый русский патриот – умер, как предполагают, от голода.

В Казани в этот период (конец 1610 – начало 1611 г.) возникла сложная ситуация. Продолжающееся классовое противостояние было дополнено политической борьбой среди руководящей группы. Исследовавший эти события историк Н.П. Загоскин в работе «Казанский край в Смутное время» писал: «Взаимные отношения обоих казанских воевод (В.П. Морозова и Б.Я. Бельского. – *И.Е.*) не могли называться нормальными, – по крайней мере с точки зрения служебных традиций Московского государства» [2, с. 80].

Бельский в своё время был любимцем Ивана IV. По свидетельству некоторых источников, он являлся воспитателем и крёстным отцом сына Ивана Грозного царевича Дмитрия, погибшего в Угличе в 1591 году. После смерти Бориса Годунова (1605 г.) Бельский открыто признал в Лжедмитрии I сына Ивана IV и потому был «в милости» у самозванца, который дал ему титул боярина. С воцарением Василия Шуйского Бельский оказался в политическом изгнании, был удалён в Казань на воеводство, причём на вторую роль при молодом и недостаточно

знатном Морозове (тот не имел глубоких родовых корней и в тот момент не был ещё боярином) (см. [3, с. 89–90]).

Рядом с Бельским и Морозовым на руководящих должностях местного управления в Казани находились дьяки Шульгин и Дичков. О Дичкове известно очень немного – видимо, он был весьма посредственным или очень осторожным человеком. Шульгин же, напротив, показал себя деятельным, инициативным, властолюбивым авантюристом (см. [4, с. 151; 5, с. 489–490 (№ 377)]).

Вот между этими руководителями Казани и разгорелось политическое соперничество в начале 1611 года. Когда стало известно о действиях и насилиях поляков в Москве (эти сведения в январе 1611 года привёз дьяк Афанасий Евдокимов) (ААЭ, № 170/1, с. 293), казанцы на призыв к объединению для борьбы против польских захватчиков откликнулись совершенно неожиданно: «вся земля Казанского государства» целовала крест Дмитрию Ивановичу, то есть Лжедмитрию II (ААЭ, № 170/1, с. 292) (в Казани тогда ещё не знали о смерти этого самозванца в декабре 1610 г.).

Документы очень скупо передают хронике событий того времени, но позволяют утверждать, что принятое в Казани решение явилось результатом острой борьбы, дошедшей до народного восстания. Мы не знаем подробностей этих событий, но известные нам политические позиции каждого из представителей местной власти, приведшие к убийству воеводы Бельского и ряда других лиц в январе 1611 г., дают общее представление о накале страстей¹.

По-видимому, уже тогда у части феодальной верхушки казанского общества возникла идея образования на Средней Волге независимого от Москвы, самостоятельного христианского государства, руководящую роль в политической жизни которого должна была играть группа средневожских феодалов русского происхождения. Очевидно, что это была политическая авантюра власть имущих, среди которых в скором времени на первый план выдвинулась фигура дьяка Никанора Шульгина.

Политические авантюристы решили использовать имя Лжедмитрия II, чтобы потом отказаться и от него, и от московского «польского» правительства, и от патриотической части российского общества, поднявшегося на борьбу за освобождение Москвы от польской оккупации.

Судя по всему, казанские власти попытались ввести в заблуждение руководителей Первого ополчения, которое в это время начало формироваться. Они обещали выслать свои отряды для сбора ратных сил, но не сделали этого, ссылаясь на финансовые трудности. Бывшие в это время в Казани торговые люди сообщали, что «казанцы» (то есть жители города и уезда) ничего не знали о сборе

¹ Видную роль в этих событиях играл дьяк Н. Шульгин. Во всяком случае «Новый летописец» именно ему приписывал инициативу расправы с воеводой: «Воевода ж Богдан Яковлевич Бельской нача им [по-видимому, восставшим] говорити и крепити, чтоб вору [Лжедмитрию II] креста не целовати, а целовати б крест, хто будет государь на Московском государстве. Дьяк же Никонор Шульгин, умысля с теми ворами, повеле Богдана убити. Они ж Богдана, поймав, и взведоша его на башню и скинуша з башни и убиша до смерти» (ПСРЛ, с. 105). В ходе восстания, происшедшего в Казани в январе 1611 г., Б.Я. Бельский был самой яркой фигурой, но далеко не единственной жертвой кровавой расправы Н. Шульгина со своими политическими противниками. Известно, что в эти же дни был убит один из начальных ратных людей – Федор Захарьев Люткин (АЮ, № 166, с. 380). Трудно говорить о позиции В.П. Морозова во время этих событий. Скорее всего, она была двойственной. Он, наверняка, не поддерживал демагогических лозунгов Н. Шульгина, но не захотел, по-видимому, открыто встать и на защиту позиции Бельского.

ратных людей и о призывах ко всем городам объединиться для освобождения Москвы. Эти данные наводят нас на мысль о том, что патриотические призывы были скрыты от народных масс города и уезда (ААЭ, № 188/II, с. 321).

Согласиться с тем, что власти Казани не получали письма с этими призывами, мы не можем, ибо известны ответы руководителей Казани на эти письма, где они выражали своё согласие объединиться с другими городами. Так что приходится признать, что политика казанских властей в этот период времени была демагогической и предательской по отношению к народам края и России в целом (ААЭ, № 179, с. 305).

Это было ясно современникам. К сожалению, всё это не очень чётко прослеживается в сохранившихся источниках, но намёки на сложное и противоречивое политическое положение в правительстве Казани прочитываются определённо. Так, призыв о присоединении к ополчению П.П. Ляпунова (так называемому Первому ополчению), с которым 19 марта обратилась к Казани Кострома, заканчивался словами, показывающими, что руководители этого ополчения поняли сепаратистскую и двуличную линию поведения властей Казани – они обещают привлечь к ответственности руководство города после освобождения Москвы и изгнания интервентов: «А которые... меры сделаются, а вы толко Казанскую землю не поможете, а православной вере будет погрязне и людем погибель, и за то кому дати ответ Богу и самим вам чего ждати?» (ААЭ, № 188/II, с. 323). Собственно, об этом же говорится и в одном из писем польского короля Сигизмунда III, датированном мартом 1611 г. и обращённом к марионеточному правительству московских бояр. «А про Астрохань, – писал польский король, – у вас слух есть, что изослався с Казанью и с ыными города, которые подошли к Татарской стороне, хотят отложитца к перситцкому шаху» (СГГД, № 243, с. 521)².

Хотя трудно сказать, насколько справедливы эти слова, всё же нельзя не признать, что у Москвы были основания для беспокойства по поводу позиции казанских руководителей. Были они и у воевод земского ополчения.

Только после того, как Казань посетило официальное посольство от имени ополчения, а вместе с тем приехали из полков ополчения казанцы (дети боярские Воин Левашов и Семён Пелепелицын), которые привезли грамоту, адресованную всякого чина людям «великого государства Казанского», обстановка начала изменяться. Но всё же и после этого более месяца ещё Казань выжидала, отмалчивалась. Политическая борьба продолжалась. Лишь в июне 1611 г. Морозов и дьяки Шульгин и Дичков сообщили о согласии казанцев «бытии со всею землею в любви и в совете и в соединенье и против врагов, разорителей хрестыанские веры, полских и литовских людей» (ААЭ, № 188/I, с. 319).

В конце июня «казанская рать» под командованием воеводы Морозова вышла в поход и прибыла в июле в стоящее под Москвой ополчение. В составе казанских ратных сил были «казанцы и свияженя, и казанских пригородов дворяне, и дети боярские, и головы стрелецкие с приказами, с стрелцами, и служилые

² В этом же письме Сигизмунд сетовал на то, что «ныне Казань и Астрохань, и черемиса, и полевые [луговые] города, и подбелские, и сибирские города, и Пермь, и Вятка наших [то есть польских] грамот ни в чем не слушают и доходов никаких к Москве не возят, и во многих городех и в селех сыну нашему королевичу [Владиславу] креста не целовали...» (СГГД, № 243, с. 521–522).

князи и мурзы, и татаровя» [6, с. 352]³. Но практически укрепить ополчение эти силы уже не могли. Усиливающиеся противоречия между разнородными социальными силами, составлявшими Первое ополчение, открытые разногласия между его руководителями (боярином Д.Т. Грубецким, думным дворянином П.П. Ляпуновым и казацким атаманом И. Заруцким) привели в конце июля к социально-политическому конфликту, закончившемуся убийством одного из руководителей и организаторов ополчения – Ляпунова. Это, по существу, явилось началом распада этого ополчения [3, с. 93].

После ухода из Казани воеводы Морозова с ратными служилыми людьми и стрелецкими отрядами в руководстве местного управления остались только дьяки (Шульгин и Дичков). Не было регулярных правительственных военных сил (стрельцов), отсутствовала и значительная часть наиболее патриотически настроенных русских и нерусских служилых людей. Ничто уже не мешало Никанору Шульгину проводить свою политическую линию.

Сохранилось письмо, с которым казанцы в конце августа – начале сентября 1611 г. обращаются к пермякам, сообщая о своей готовности продолжать борьбу за освобождение страны. Стоит отметить нюансы, появившиеся в позициях казанцев. Они призывают «стоять» не только за «Московское государство», но и за «Казанское государство». Кроме того, пермякам сообщается о решении, принятом в Казани: «и *дияков*, и голов, и всяких приказных людей в города не пущати, и *прежних не переменяти*, быти всем по прежнему» (ААЭ, № 197, с. 336; курсив наш. – *И.Е.*)⁴ (то есть выражается призыв не вносить никаких изменений в состав нынешнего местного руководства после победы над поляками).

В этот момент позицию казанцев попытался изменить идеолог народной борьбы за национальную свободу, бывший казанский митрополит, патриарх Гермоген, находящийся с мая в тюремном заключении в стенах Чудова монастыря. Он в августе 1611 г. нашёл возможность направить в Нижний Новгород грамоту, в которой говорил: «Пишите в Казань к митрополиту Ефрему: пусть пошлёт в полки к боярам и к казацкому войску учительную грамоту, чтобы они (то есть ополчение. – *И.Е.*) стояли крепко за веру и не принимали Маринкина сына (сына Лжедмитрия II. – *И.Е.*) на царство, – я не благословляю» [8, с. 104].

Призывы Гермогена возымели действие. В сентябре 1611 г. начинается народное движение в Нижнем Новгороде, возглавил которое земский староста Кузьма Минин, а затем и князь Дмитрий Михайлович Пожарский, оно-то вскоре и стало основой Второго, или Всенародного, ополчения. Однако казанские руководители не спешили продемонстрировать стремление края к единению. Правда, в апреле 1612 г. в состав Второго ополчения влилась «казанская рать» под командованием Морозова, находившаяся до этого под Москвой среди остатков Первого ополчения. Но это не являлось показателем политической линии тогдашнего реального казанского руководства, ибо Морозов практически не имел

³ В.Д. Димитриев вполне обоснованно предположил, что ещё до подхода «казанской рати», в июне, к Первому ополчению присоединилась «чебоксарская рать», во главе которой находился воевода князь М.И. Солнцов-Засекин [7, с. 82].

⁴ Но пермяки, получившие это письмо из Казани 16 сентября, видимо, не поняли сепаратистских политических настроений казанцев. Они отвечали 18 сентября о полном своём согласии быть «в любви и в совете и в соединенье» «за православную христианскую веру» (АИ, № 333, с. 399).

никаких политических контактов с казанскими дьяками уже в течение почти целого года [7, с. 90]⁵.

Между тем в Казани в это время всё шире разворачивал свою деятельность дьяк Шульгин, стремящийся, вероятно, сконцентрировать в своих руках всю власть в «Казанском государстве» и, по-видимому, даже откреститься от лозунгов, под которыми шла борьба Всенародного ополчения. В это время соратником Шульгина стал стряпчий Иван Биркин, направленный руководителями Второго ополчения в Казань для организации ратных сил. Он вступил в сговор с Шульгиным и в дальнейшем проводил единую с ним политику.

В Нижнем Новгороде Минин и Пожарский так и не дождались прихода казанских ратных людей, на которых, судя по всему, была большая надежда. Казанцы подошли к ополчению тогда, когда оно уже было в Ярославле (не ранее мая-июня 1612 г.). Но их приход мог только разочаровать руководителей Всенародного ополчения. Иван Биркин, приведший казанцев, ссылаясь на приказ Шульгина, покинул ратные силы ополчения. С ним ушли и многие казанские ратники. «Новый летописец», пытаясь как-то объяснить ситуацию, отмечает по этому поводу следующее: «Немногие же казанцы ошашася: голова Лукьян Мясной, да с ним двадцать человек князей и мурз, да дворян тридцать человек, да голова стрелецкий Посник Неелов, да с ним сто человек стрельцов» (ПСРЛ, с. 120).

Отказ татарского головы с группой татарских феодалов поддержать авантюру Шульгина отражает позицию местных феодальных кругов и говорит об их отрицательном отношении к идее обособления Среднего Поволжья от центральной России. В то же время отказ 30 дворян и 100 стрельцов Казани последовать за Биркиным наглядно показывает, что далеко не все русские феодалы Казанского края разделяли политические стремления Шульгина и его сторонника Биркина.

Таким образом, Казань, несмотря на призывы патриарха Гермогена и соответствующие им усилия митрополита Казанского и Свияжского Ефрема, который стал восприемником Гермогена на патриаршей кафедре, фактически не приняла серьёзного участия в освобождении Москвы от поляков (ПСРЛ, с. 130)⁶.

После избрания на царство Михаила Романова (21 февраля 1613 г.) Шульгин пытался оправдаться перед царём и направил ему из Свияжска челобитную. Однако его под конвоем доставили в Москву. Затем он был отправлен в ссылку в Сибирь, где вскоре умер (см. [3, с. 97]). Судьба Биркина неизвестна. Морозов же упоминается среди участников Всенародного ополчения, освободивших 26 октября (5 ноября – по григорианскому календарю) 1612 г. Москву от поляков.

⁵ В.П. Морозов вскоре вошёл в круг основных руководителей ополчения, возможно, поэтому именно с его именем обычно связывается участие в ополчении «казанских людей».

⁶ Данная нами концепция политической роли Шульгина принимается не всеми отечественными историками. Так, В.Д. Дмитриев не признаёт сепаратистских настроений Н. Шульгина, не видит в нём силы, объективно противодействующей стремлению восстановить политическую и национальную целостность Российского государства. Критикуя тезис о политическом сепаратизме Шульгина, он утверждает, что в «действительности же в поведении Н. Шульгина... таких целей усмотреть невозможно» [7, с. 71]. Признавая большую заслугу В.Д. Дмитриева в изучении вопросов истории борьбы народов края против польской и шведской интервенции в начале XVII в., мы не можем согласиться с его трактовкой политических действий отдельных представителей местного управления в это время.

Summary

I.P. Ermolaev. Kazan in Socio-Political Struggle for the Expulsion of the Poles from Moscow in 1612.

This paper reveals the complicated alignment of political forces in one of the largest centers of Russian State, Kazan, during the culmination of the socio-political crisis in the early 17th century (the so called Time of Troubles (Smutnoe Vremya)). The Kazan administration split into two camps: those who supported the union with the patriotically-minded Russians and the expulsion of the Poles from Moscow and those who supported the separation of the Kazan Region from Russia. The clerk Shulgin, who led the authorities in Kazan, adhered to the second point of view, but did not find full support not only from Russian, but also Tatar service-class population. A detachment formed in Kazan took part in the liberation of Moscow from the Poles. The traitor Shulgin was exiled to Siberia, where he soon died.

Keywords: Time of Troubles, Kazan, Patriarch Hermogenes, V.P. Morozov, B.Ya. Belsky, N. Shulgin, Militia of 1612.

Источники

- ААЭ – Акты Археографической экспедиции: в 4 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. – Т. 2. – 409 с.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 4 ч. – М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1819. – Ч. 2. – 879 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. – Т. 14. – 154 с.
- АЮ – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. – СПб.: Археогр. комис., 1838. – 511 с.
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Археогр. комис., 1841. – Т. 2. – 469 с.

Литература

1. История СССР с древнейших времён до наших дней: в 12 т. – М.: Наука, 1966. – Т. 2. – 631 с.
2. *Загоскин Н.П.* Казанский край в Смутное время. – Казань: Тип. Губерн. правления, 1891. – 257 с.
3. *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв.: Управление Казанским краем. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 223 с.
4. *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М.: Наука, 1975. – 607 с.
5. *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. – Кн. 1., отд. 1. – 750 с.
6. *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1869. – 543 с.
7. *Димитриев В.Д.* Участие населения Чувашии в борьбе против польской и шведской интервенции в начале XVII века // Труды Чувашского науч.-исслед. ин-та. – 1980. – Вып. 105. – С. 70–108.

8. *Макарий (Булгаков М.П.)*. История русской церкви: в 9 кн. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. – Кн. 6. – 799 с.

Поступила в редакцию
15.02.13

Ермолаев Игорь Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и регионоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: ermolaev32@rambler.ru